

Остров древностей, остров мечты

Изучая осколки давних цивилизаций, Валентина Викторова убедилась: далёкие предки были богаче нас

Зинаида ПАНЬШИНА

«А где вы были 19 августа в девяносто первом? После известных событий этот тест-вопрос мы, россияне, часенко задавали друг другу то в шутку, то всерьёз. Валентина Викторова в тот памятный по-недельник находилась в приёмной главы Екатеринбургского проекта уникального археологического музея под открытым небом, который, по мнению её и коллег, сам Бог велел соорудить в верховьях Исети.

Старшему научному сотруднику Института истории и археологии Уральского отделения РАН было что рассказать тогдашнему мэру уральской столицы Аркадию Чернецкому о древних поселениях, некогда существовавших в паре вёрст от современного посёлка Палкино. Ведь некоторые из них по возрасту сравнимы с Шигирским идолом, а значит, — старше египетских пирамид! Однако городской голова был поглощён происходящим на московской Манежной площади и в осаждённом Белом доме...

Позднее обнаруживались какие-то другие помехи для начального рассмотрения проекта, способного поспорить с самим Аркаимом. Так что до сего дня удивительный музей под открытым небом в составе историко-ландшафтного парка «Исети Исети» существует только на бумаге. И остаётся самой большой мечтой Валентины Викторовой.

— На следующий год будет тридцать пять лет как я работаю на этом кусочке суши в верхнем течении Исети, который когда-то в глубокой древности был островом. Ведь тысячелетия назад здесь плескалось большое озеро, теперь мы называем его «Палеозеро Романовское». За годы раскопок удалось получить потрясающие находки, которые рассказывают об удивительной истории этого древнего острова, да и об истории развития всего региона. Некоторые говорят: мол, ну, если копать так долго и упорно, то, конечно, можно что-то отыскать. Однако вопрос в том, где копать!

— Что же такого особенного есть на этом бывшем острове, Валентина Дометьяновна?

— Здесь представлена история всех эпох, начиная с периода десять тысяч лет до наших дней и заканчивая восемнадцатым веком. Где же ещё такое есть, чтобы на одном месте располагались и мезолитический комплекс, и неолитический, и энеолитический (да не один, а три), и эпохи бронзы и раннего железного века? Тут и поселения, и могильники, и мастерские по обработке камня, производству меди, железа. На истском правом берегу обнаружены жилища и мастерские по изготовлению каменных орудий эпохи неолита, а это VI–IV тысячелетия до н. э. Большое количество металлургических площадок, культовых мест и несколько культовых птицевидных изображений из меди, относящихся к раннему железному веку, то есть к VII–III векам до н. э. В этом районе найдены изумительные наскальные изображения охоты эпохи неолита (III тысячелетие до н. э.) — целая картина древнего мира с изображениями людей, животных, птиц... А какие святилищные комплексы! Их уникальность заключается в сочетании мегалитических памятников (дольменов, менгиров, тоннелей) с фигурами, выгоченными из крупных каменных валунов. На острове таких изображений уже несколько: головы медведя и лося, хищная птица. А нынешним летом к ним добавился маленький медведь, мы назвали его Мишей — очень радостная и значимая для нас находка. Это самая ранняя гранитная скульптура на Урале, ей около десяти тысяч лет.

— Ничего себе, а большинство из нас и не знает, что буквально по соседству — такие диковины!

— Вот поэтому с 1990-х годов мы леем надежду создать музей под открытым небом в составе историко-ландшафтного парка «Исети Исети», который тоже пока есть только на бумаге. Кстати, за научное обоснование этого проекта мы, его авторы — я и доктор геолого-минералогических наук Эдуард Емлин, получили серебряные медали и стали лауреатами ВДНХ. Это было ещё в начале 90-х годов. Затем много лет мы с коллегами пытались добиться реализации этого проекта. В 2004 году областная Дума включила создание парка в генеральный план развития области. Но пока дело с места не тронулось.

— А где именно вы видите этот парк?

— По замыслу, его границу на западе обозначает скала Соколиный Камень. На северо-востоке — гора Шитовской Толстик. На севере — гора Семibrатская. На юге рубежная черта должна пройти в районе станции Палкино. Сейчас мы вместе с сотрудниками нашего института Валентиной Кернер и завотделом древней истории народов Урала областного краеведческого музея Светланой Паниной готовим книгу «Исети Исети: человек, река, камень» о нашем регионе и необыкновенном острове. Очень хочется надеяться, что с этой книги и начнётся движение по созданию историко-ландшафтного парка и музея.

— Нынешнее лето вы снова, как и много лет подряд, провели в полевых условиях на вашем уникальном острове. А ведь два года назад вам сделали операцию на сердце. Как на это смотрят врачи, и как вы себя чувствуете?

— Я не люблю говорить о подобных проблемах. В этом нет никакого толку. Конечно, выезжать в экспедиции врачи запретили, так ведь наш остров находится на три тысячи километров от города.

— Урал — это ваша родина?

— Нет, я в Москве родилась, в 1933 году. Но вскоре мама увезла меня из города в Истринский район, где устроилась на работу в школу заведующей и учительницей. С её учениками я ещё дошкольницей фактически закончила первый класс в шесть лет, а потом ещё раз — на следующий год. Весной 1941 года мама снова отвезла меня в Москву и записала, кроме обычной, в музыкальную школу. Но началась война, немцы приблизились к столице, и детей начали эвакуировать. Получилось так, что эшелон, в котором нас, ребятшек, отправили в тыл, увёз меня отсюда навсегда. Мама догнала наш «детский» эшелон уже в пути. Так во время войны мы и оказались на Урале.

— Вас эвакуировали в Свердловск?

— Сначала в Рязанскую область. А в сентябре — в Пермскую. До места добрались почти через три месяца: поезде шло медленно, пропускал все эшелоны, спешащие на фронт или с фронта. В холодных вагонах теплушек мы спали на двухэтажных нарах. Помню, просыпаясь утром, а волосы к стенке примерзли! Тогда это не казалось чем-то ужасным, ведь в Москве приходилось спать и между рельса-

За книгу «Древние угры в лесах Урала» Викторова удостоена премии им. О.Клера

ми метро, когда с неба на город летели бомбы. «Радостей войны на моё детство хватило. И что такое голод, хорошо знаю. Продуктовые карточки мама делила пополам: на одну половину покупала хлеб, а другую меняла на молоко. И получалось — крохи и капли. В эвакуацию мы отправились ни с чем, у меня в дороге было два платица и одна игрушка, вот и всё. В Пермском крае московских школьников расселили по деревням. Наша деревня оказалась на самом берегу Камы. Волчий вой, который доносился до изб вечерами, будто теперь слышу. Хотя житьё наше там не затянulo: мы с мамой перебрались к её сестре в Свердловск. Кстати, похоже, мои родители одно время жили на Урале, где-то под Пермью.

— Почему — «похоже»?

— Судя по сведениям, случайно найденным несколько лет назад в одном из номеров журнала «Уральский следопыт», сетью самых первых детских домов в Пермской области для детей, осиротевших в Гражданскую войну, руководил Маркванов Домциан Родионович. Именно так звали моего отца. А один из этих детдомов возглавляла его жена Августа Сергеевна Красноперова — то есть моя мама.

— У ваших родителей явно нехристианские имена. Они были высокого происхождения?

— Да нет, мама рассказывала, что папины родители в чём-то не поладили с местным священником, вот он и подобрал для их младшего такое имя — Домциан (я позднее немного упростила отчество). Мамин отец трудился рабочим на водоканале, а его предки были из бедных крепостных крестьян. Больше я о своих корнях ничего не знаю. Поздно поняла, что надо было в своё время всё расспрашивать у мамы. А я всё была занята и не расспрашивала — вот какая беда.

— В вашей тесной от книг комнате стоит фортепиано. Мама всё-таки дала вам музыкальное образование, несмотря на войну?

— В Свердловске она записала меня в женскую школу на Эльмаше. Тогда ещё, действительно, шла война, и все мы, ученицы, были тимуровцами. Ходили помогать людям

по домам и в госпиталь. Помню, как стою я посреди госпитальной палаты и пою «В лесу прифронтовом». Мы писали письма для фронтовиков, читали письма, которые им приходили от родных. Ну, а старшие и выпускные классы заканчивала уже после войны в уральской школе № 22 — поближе к музыкальной, в которой занималась очень охотно. В университете своеобразным продолжением любимой «музыкалки» стал кружок, где мы говорили об истории музыки, о поэзии, что-то репетировали и исполняли, пели романсы, разучивали песни в четыре руки... Этот кружок мы с сокурсниками организовали сами. Но вскоре эти начинания прекратили наши старшие товарищи коммунисты: мол, это всё «групповщина» и «аристократические штучки». Уже гораздо позднее, работая в УПИ, я и несколько моих коллег-единомышленников, считающих необходимым приобщать студентов к культуре и искусству, добились включения в программу нескольких обязательных курсов по истории театра, музыки, кино. Уверена, что это правильно.

— Вы ещё в школе решили, что станете археологом?

— В детстве я мечтала стать архитектором. Или историком, как две мои родные тётки. Второе оказалось сильнее. Школу я закончила с серебряной медалью и подала документы на истфак университета (тогда — историко-филологический факультет). Наш курс оказался дружным и необычным: много медалистов, вчерашние фронтовики. Некоторых ребят, как и меня, очень увлекала археология. Я каждое лето ходила в археологические экспедиции в составе разведки, которую возглавлял мой будущий муж, теперь уже бывший. Мы прошли в Башкирии по всему течению реки Белой. Часто говоря, что копали тогда, я и не помню. Главное было — романтика: костры, песни, гитара... По мере взросления увлекалась археологией всё сильнее, хотя курсовые писала по философии. Мне однажды пришлось заниматься в обоих кружках — археологическом и философском. И всё-таки дипломную работу я посвятила археологии.

— На чёрно-белых фотографиях в вашем альбоме видно, насколько дикие места окружают ваши «обжитые пятачки» с кострами и палатками. Это где-то на севере?

— Да, мы несколько раскопок сделали на археологических памятниках по реке Лозьве, в районе озера Вагильский Туман. Забирались мы порой в такие места, где через каждые несколько километров — лагерь или специальные поселения, в которых отсиживались по многу лет зеки адаптированные к свободной жизни. Эти бывшие зеки пасли коров и угодили нас молоком. При этом не раз говорили, что своих детей сюда ни за что бы не отпустили. Время от времени приходили военные, предупреждали, дескать, у нас тут где-то сбавежские уголовники бродят. Сейчас и я вряд ли туда поехала бы...

— С философией было покончено?

— К счастью, нет. После университета, выйдя замуж, родив с интервалом два года двоих детей, поработав преподавателем в школе рабочей молодёжи и закончив аспирантуру, я поступила на кафедру философии УПИ. Восемнадцать лет на этой кафедре оказались не только очень интересным временем, но и полезным с точки зрения занятия археологией. Там я и диссертацию подготовила на материалах, добытых в экспедициях. Ведь все эти годы каждое лето проводила на раскопках. Сначала — на Южном Урале, потом перешла в наши районы — по рекам Реж и Ница, в нижнем течении Тавды. Лишь два лета оставалась дома, когда дети, дочь и сын, были слишком маленькими, чтобы брать их с собой. Вообще-то потом у меня всегда и дети, и внуки с полужизньного возраста на раскопках помогал.

— В чём занятия философией оказались полезными для вас как для археолога?

— Философия учит понимать природу вещей. Например, археолог нашёл некий предмет. Ясно, что он был изготовлен потому, что на него была потребность. Вопрос: а почему эта потребность возникла? Так через вещь, возразив наскальные знаки можно понять или попытаться понять, что такое был их создатель. Ведь личность человека — это его потребности, знания, способности, навыки, чувства.

— И каков же он был, наш предок, живший где-то в верховьях Исети десять тысяч лет назад?

— Как ни странно это могло бы показаться, он был всесторонне развит. Добывал пищу и тепло, строил жилища, танцевал и пел, создавал украшения и просто красивые вещи. К VI тысячелетию до нашей эры он знал и использовал шестьдесят пород камня. А сейчас мало кто из нас знает больше десятка. В древности были придуманы и изготовлены лодка и весло, лыжи и сани, нож и топор и ещё многое другое, причём изготовлены оптимально. Древний человек не мог, как теперь, купить какое-то изделие для устройства своего быта либо для души, заказать услугу или развлечения, а потому всё, в чём

испытывал потребность, обеспечивал себе сам. С этой точки зрения современный человек выглядит однобоким: что-то он может, но гораздо больше — не умеет. Поэтому современный homo sapiens, оказывается, менее богат, чем древний.

— Ну как же так? Современный человек, даже если он и не может сам смастерить из камня топор, окружить множеством вещей и даже предметами роскоши. А его древний предок вынужден был своими руками обеспечивать себе хотя бы минимум удобств.

— Я имею в виду духовное богатство, сумму духовных потребностей. Материальные — они имеют границы. Вот у меня есть одно пианино, так мне второе-то ни к чему. И никому, наверное, не надо. Ну хорошо, есть у женщины пять шуб, а больше-то куда? А духовные потребности границ не имеют. Поэтому древний человек не только топор делал, но и вытачивал нарядный костяной гребень, браслет, подвески, статуэтку, расписывал стены своей пещеры. То есть трудился не только на желудок, а и для души. Вот и представьте, как велики и настоятельны были его духовные потребности: ему бы согреться северной зимой, прокормиться да от диких зверей защититься, а он нашёл зелёный камушек и вытачивает бусины или подвески! На уникальном Лыкинском могильнике неподалеку от Лозьвы, где я в молодости провела не один полевой сезон, мы бесподобные вещи находили! На этом могильнике хоронили предков манси. А сейчас вытесненные на север оленеводы и рыбацкое народом манси вымирают. Где у них пастбища вышки, теперь стоят нефтяные вышки, и олени там не пасутся. Наверное, неслучайно среди манси так распространено пьянство. И уж не знаю, какую красоту они теперь создают. Вот вам и сравнение.

— Валентина Дометьяновна, на раскопках могильников, святилищ, поселений не мешают ли вам, археологам, духи прежде живших там людей? Например, ощущали ли когда-нибудь некое отторжение места?

— Не знаю, у нас на острове, наоборот, все, кто там бывал, ощущают, какое это располагающее место. Наверняка, там накоплена какая-то большая духовная энергия. Может быть, когда-нибудь наука сможет её уловить. Но сейчас я про это даже боюсь говорить! И так однажды какая-то девица приходила, целовала нашу каменную голову лося, с какой радости — непонятно. Я страшно не хочу, чтобы наш остров когда-нибудь превратился во второй Аркаим, который буквально уже затоптали и замзгали все кому не лень.

— Вы всё время говорите «мы», «у нас», «наш остров». А кто помогает вам вести раскопки на вашем удивительном острове-полуострове?

— Там каждое лето возникает большой палаточный городок, в котором селятся три-четыре десятка моих друзей — добровольных помощников, которые годами приезжают на раскоп. Это мои бывшие студенты и их друзья — люди разных профессий: архитекторы, филологи, врачи, строители, химики... И, конечно, историки, двое из которых — Анна Фёдорова и Вера Колмакова — стали настоящим объединяющим и организаторским ядром. Есть у нас друзья, которые помогают в разведке мегалитических памятников. Семь лет подряд работают на раскопе школьники и учителя из Полевского и посёлка Октябрьского. Они больше десяти лет в полевых условиях работают на раскопе, ещё и сами готовят еду, воду приносят, прибирают в палатках и в самом лагере. Мы все эти ребята рады. С ними я и возраста своего не чувствую.

— Не хотели бы вы, Валентина Дометьяновна, «покопаться» где-нибудь на месте Древней Колхиды или загадочного царства майя?

— Да зачем это? Мне и здесь, в верховьях Исети, интересно!

ДОСЬЕ «ОГ»

ВИКТОРОВА Валентина Дометьяновна
Старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской Академии наук (ИИиА УрО РАН)
Родилась 11 августа 1933 г. в Москве, в семье служащих.
В 1951–1955 гг. училась на историко-филологическом факультете Уральского государственного университета. Занималась в философском кружке (руководитель Лев Коган), участвовала в археологических экспедициях под руководством доцента Константина Сальникова.
С 1955 по 1960 гг. преподавала историю в школе рабочей молодёжи № 11, продолжая заниматься археологическими разведками и раскопками.
С 1960 по 1963 гг. училась в аспирантуре УрГУ (научный руководитель — доцент Владимир Генинг).
С 1963 по 1981-й работала на кафедре философии УПИ: сначала ассистент, потом — старший преподаватель, доцент (1974).
С 1981 г. — старший научный сотрудник в отделе истории Института экономики УИЦ АН СССР, а с 1988 г. — старший научный сотрудник в ИИиА УрО РАН.
Основная проблематика исследований в 1960–1980-е — древняя история Зауралья, методология археологических исследований, с 1980-х — духовная культура ранних обществ Урала.
Член Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства.
Опубликовала более 80 научных работ.

Уже такой малышкой Валя знала, что такое голод и свист падающих бомб

Блиц-опрос

— Древние люди не сомневались, что и после смерти есть жизнь. А вы в это верите?
— Никто никогда не доказал, что она есть. Об этом можно только мечтать.

— Ваше отношение к теории эволюции?
— Других теорий просто не знаю. Объяснения о божественном, инопланетном происхождении жизни — это не для меня. К религии и паранормальному отношусь одинаково отрицательно. Руки, мозг, способность к коммуникации — вот что создало человека. Иначе говоря — работа, развитие мозга, общение с людьми.

— Некоторые люди считают, что в археологии нет смысла: мол, незачем шевелить тысячелетние могилы. Вас это задает?
— Очень спокойно к этому отношусь. Для меня смысл того, что я делаю, совершенно очевиден. К счастью, он очевиден для подавляющего большинства просвещённых людей.

— Отпуск — время отдохнуть и тратить деньги. Это ваш принцип?
— Я получила нынче отпускных тридцать тысяч. Десять из них ушло на экспедицию, десять — антропологу, чтобы он определил принадлежность и возраст найденных нами человеческих останков, ещё десять — на определение возраста артефактов путём радиоуглеродного анализа. Так что ответьте на ваш вопрос сами.

— Если хочется музыки, вы садитесь за пианино или включаете CD-вертушку?

Первый курс университета: начало большого и интересного пути

— Музыцировать в последнее время не получается: инструмент разбит, а на вызов строителя пока нет денег. Но у меня есть хороший старенький проигрыватель — ещё советских времён, с магнитным звукоснимателем. И коллекция виниловых дисков. Включую и слушаю.

— Ваша любимая музыка?
— Уважаю и ценю всякую, но особенно предпочитаю классическую и средневековую, лютовую.

— Какое кино вы взяли бы, как говорится, с собой в космос?
— Искренние и пронзительные старые советские фильмы. Такие, как «Алые паруса», который я смотрю часто и готова смотреть ещё и ещё. Сейчас такого кино не снимают.

— Что для вас семейные праздники?
— Прежде всего это дни рождения и, конечно, Новый год, когда вся семья дома, в сборе. Люблю пироги напечь (особенно у меня все обожают рыбный пирог), устроить маленький костюмированный бал. Чтобы всем было уютно и весело — и взрослым, и детям.

Сначала была романтика...

АРХИВ ВАЛЕНТИНЫ ВИКТОРОВОЙ